

Промолчав добрую половину дня, он вдруг вспомнил, что завтра у Чжао Миня день рождения.

Вернувшись в гостиницу, Цзян И тихо лежал на кровати. Тот отрезок воспоминаний уже подернулся туманом, и он даже не был уверен, испытывал ли Чжао Минь к нему хоть какие-то чувства.

Возможно, и было что-то самую малость, но не более того. В конце концов, в этих отношениях всегда инициатором выступал он сам, а Чжао Минь, казалось, лишь с неохотой позволял себя принуждать, заставляя себя принимать и поцелуи, и объятия.

Все те клятвы, что тот давал, были брошены на ветер лишь в порыве сиюминутного настроения, и только он один по глупости принял их за чистую монету.

Он до сих пор помнил равнодушное выражение лица Чжао Миня при расставании. Цзян И не понимал, как можно было с такой холодностью произносить столь ранящие слова. Наверное, тот действительно никогда не любил, а потому даже не задумывался, будет ли ему больно.

Раньше Цзян И наотрез отказывался верить словам Чжао Миня о том, что всё это было лишь его собственными несбыточными мечтами. Эта фраза безжалостно растоптала его кости и сердце, и всякий раз, когда она всплывала в памяти, это было сродни медленной и мучительной казни.

Но теперь он смирился.

В конце концов, он жаждал остепениться и создать семью. В числе кандидатов на роль его законного супруга Чжао Миня никогда даже не рассматривали.

Сегодня, завершив последние проверки и разобравшись с документами, они не стали задерживаться в Юнчуане. Их служебный автомобиль выехал на дорогу, ведущую в центр города.

Машина остановилась прямо перед дверями квартиры Цзян И.

Чжао Минь тоже вышел из салона, его голос звучал напряженно:

— Еще рано. Поужинаем вместе?

— Не нужно, — наотрез отказался Цзян И.

В глазах Чжао Миня мелькнула тень боли, но Цзян И намеренно проигнорировал это и, развернувшись, хотел было уйти.

— С днем рождения.

Тот все же поздравил его, но голос звучал отчужденно — так обычно дежурно приветствуют коллег по работе.

Чжао Минь на мгновение замер, словно собираясь что-то сказать.

Цзян И никак не отреагировал. Он уверенно зашагал к подъезду, оставив Чжао Миню лишь свой уходящий силуэт.

Хватит тратить хоть какие-то эмоции на Чжао Миня, подумал он.

Сегодня был не просто день рождения Чжао Миня — в этот же день родилась его мать, Цинь Юэ.

Цзян И отправился в Ваньсяньчэн.

Он еще не успел выбрать подарок, поэтому оставалось лишь поискать что-нибудь по вкусу Цинь Юэ прямо в торговом центре.

Знакомый силуэт внезапно попался Цзян И на глаза.

Чжао Минь.

Он стоял перед витриной кондитерской, молча разглядывая пирожные и торты на полке. Черное пальто подчеркивало его стройную и прямую фигуру, резко диссонируя с теплыми желтоватыми огнями внутри магазина, отчего он казался каким-то... одиноким.

Неужели он хочет купить торт? В конце концов, сегодня его день рождения. Цзян И замер на месте, молча наблюдая за ним сквозь толпу.

Приветливая продавщица ловко упаковала торт и протянула ему, но Чжао Минь лишь покачал головой. Сделав шаг назад, он достал телефон, отсканировал код, оплатил покупку, но так ничего и не взял — развернувшись, он растворился в толпе.

Цзян И помнил, как в студенческие годы сам всегда с удовольствием заказывал для Чжао Миня торты в этом самом месте. Тогда Чжао Минь неизменно повторял, что они слишком сладкие, что он сам не большой любитель сладкого и чтобы в следующий раз Цзян И больше ничего подобного не брал.

Больше он действительно ничего заказывать не будет.

Сегодня вечером он уже пообещал Цинь Юэ, что вернется поужинать домой.

С кем и как Чжао Минь проведет этот вечер — его больше не касалось. Кончено — значит, кончено.

Цинь Юэ позвонила ему и попросила зайти по пути в ближайший супермаркет за овощами: она уперлась и решила приготовить ужин собственноручно.

Она также обмолвилась, что сегодня его ждет сюрприз, и велела вернуться пораньше.

По дороге домой за окном занакрапал мелкий дождь, а воздух сделался таким духовно тяжелым, что становилось не по себе. Он сменил плейлист на американский рок — это была музыка Феликса.

Легкая и страстная.

Нагруженный объемными пакетами, Цзян И стоял у порога дома и с трудом пытался открыть замок по отпечатку пальца. Когда дверь со скрипом отворилась, он застыл на месте.

— Чего застыл? — Феликс стоял во дворе, лучезарно улыбаясь. — Онемел от вида меня, малыш?

Цзян И пришел в себя и с улыбкой отозвался:

— Да уж, сюрприз удался на славу.

— Почему не предупредил, когда возвращался?

— У тети день рождения, в такой важный день я просто обязан быть здесь, а главное — соскучился по тебе.

Феликс бесшумно приблизился, бережно обхватил лицо Цзян И ладонями и легко чмокнул в щеку, приговаривая:

— Какой ты холодный, живо в дом.

— А где мама? — Цзян И утонул в мягких подушках дивана. Рядом валялся плюшевый кролик, купленный когда-то Чжао Минем, но Цзян И предпочел на него не смотреть.

Феликс ласково примостился рядом и проворковал:

— Сегодня придут гости, мама с тетей Ли отправились к какому-то шеф-повару перенимать

кулинарные секреты.

Он обнял Цзян И, и его голос зазвучал совсем мягко:

— Я так скучал.

Цзян И чуть не задохнулся в этих объятиях, но по привычке поцеловал его в лоб, взъерошив его темные пушистые волосы, и лениво спросил:

— Кто придет-то?

Феликс постепенно ослабил хватку и загадочно подмигнул:

— Гость.

И тут же добавил:

— Я сам в предвкушении.

Цзян И наслаждался этой неприкрытой нежностью. Это была та самая жизнь, которую он и выбирал: стабильная, теплая, где в тебе нуждаются всем сердцем, а не заставляют вымахиваться и добиваться взаимности.

— В последнее время ты реже звонил мне, да еще и был с ним.

В голосе Феликса слышалось показное равнодушие, но на дне глаз пряталось совсем другое чувство.

Цзян И беспомощно потрепал свисающие с дивана лапы своего хаски и вздохнул:

— Вставай давай, ты тяжеловат.

Феликс поднял голову, пристально глядя на него, и капризно протянул:

— Дай поцелую.

Цзян И чуть откинул назад голову, обнажая изящный изгиб шеи, и тихо предупредил:

— Только не кусай, мне еще гостей встречать.

В следующую секунду в области шеи кольнула легкая боль, и Цзян И невольно сдавленно выдохнул — он был слишком чувствителен в этом месте.

— Я же сказал, кусаться нельзя.

Феликс с видом полной победы облизал уголок губ, подушечками пальцев очертил шею Цзян И и произнес:

— Ии принадлежит мне.

Цзян И только хотел что-то ответить, как раздался звонок. Дзынь-дон.

Он машинально попытался встать и привести себя в порядок, но Феликс мягко усадил его обратно на диван, уверенно улыбнувшись:

— Я сам открою.

В комнате вовсю гудел обогреватель, наполняя пространство теплом и уютом. По ту сторону стены, всего в шаге от них, поздний осенний ветер смешивался с холодными брызгами дождя, шумно шурша листвой.

Чжао Минь стоял у двери, сжимая в руках тщательно подготовленный подарок и торт, а его волосы успели промокнуть под дождем. В груди теплилась робкая, почти унижительная надежда: а вдруг сегодня ему удастся отведать кусочек праздничного торта, разрезанного рукой Цзян И?

А вдруг у Цзян И будет хорошее настроение, и он скажет ему чуть больше обычного?

Дзынь-дон. Он нажал на кнопку звонка еще раз.

На этот раз прошло совсем немного времени, прежде чем дверь отворилась.

— И...

Чжао Минь оцепенел.

На пороге стоял незнакомый мужчина. Его взгляд на секунду задержался на приметной коробке с тортом в руках гостя, после чего в глазах мелькнуло понимание. На губах мужчины заиграла высокомерная улыбка, и он произнес чистым, поставленным голосом:

— Здравствуйте, господин Чжао.

— Я Феликс.

Его улыбка стала еще шире, приобретя лукавый оттенок:

— Наслышан.

Он исключительно по-джентльменски протянул правую руку, сохраняя все то же игривое выражение лица.

Чжао Минь лишь бегло мазнул по нему взглядом и демонстративно отвернулся, переводя глаза на лениво раскинувшегося на диване Цзян И. В этот момент его сердце сжалось от дикой боли.

До него в ту же секунду дошло, кем приходится этот мужчина.

Лишь одно мгновение — и мощная волна эмоций чуть не захлестнула его целиком, едва не прорвав привычную ледяную выдержку. Пальцы, сжимавшие пакет с подарком, сами собой свело судорогой, и побелели до такой степени, что из них полностью ушла кровь.

Мужчина по-прежнему загораживал проход, небрежно глядя на него сверху вниз.

Чжао Миня затрясло от глухого раздражения, а его голос прозвучал на редкость холодно, без единой живой ноты:

— Отодвинься.

— Гость пожаловал, — усмехнулся Феликс и, легко повинуясь ситуации, убрал протянутую руку, после чего неторопливо бросил вглубь дома:

— Дорогой.

Это слово он выделил с особенным нажимом, прозвучавшее донельзя тяжело и весомо.

Дорогой?

Чжао Минь сжав зубы так, что заскрежетали челюсти.

<http://bllate.org/book/25813/3085180>